

И вот из всех сил рабочий класс пытается устроить, наладить свое хозяйство. Но в этом процессе хозяйственного строительства и полного экономического переустройства всех общественных отношений неизбежно известное временное восстановление и укрепление элементов капитализма, буржуазной экономики. Происходит весьма сложный молекулярный процесс борьбы совершенно разнородных хозяйственных элементов, своего рода борьба белых и красных тельцов в мощном организме нового складывающегося пролетарского общества. В этот объективный холодный процесс борьбы мучительно втянуты отдельные человеческие жизни; объективный процесс экономики болезненно связан с процессом индивидуального перерождения сознания. Бытие давит на сознание, подчиняет его себе, иногда «приспосабливает».

Субъективно, психологически может устоять тот, кто вполне сознательно участвует в борьбе, всеми корнями связан с классом, которому суждено выйти победителем в этом неизбежном историческом процессе политической, социальной и хозяйственной борьбы. Но и тут приходится нести жертвы, приходится терять. Партия и рабочий класс выдвинули на позиции хозяйственной борьбы многих, кто раньше не закалил себя опытом хозяйственной деятельности. И вследствие этого неизбежны многие жертвы, многие поражения. Если находились примазавшиеся в годы великих испытаний гражданской войны 1919—20 г., когда любой участник советской работы нес, казалось бы, только жертвы, то тем более примазываются теперь, в дни соблазна. Для многих слабых своя рука владыка, и она начинает дрожать, как только поблизости деньги или вообще что-нибудь вкусное, аппетитное. И вот дрожащей рукой тянется такой слабый в компании с Фордами и б ы в ш и м и.

.....

На это нельзя закрывать глаз, да и нет надобности. Иногда это было бы простым лицемерием, иногда просто глупостью. Молчим — значит, признаем за собой вину, боимся выдать себя с головой. А нам бояться нечего. Кто поставил себе прямую и честную цель, тот идет к ней не колеблясь, смелой поступью, а не озираясь, не крадучись. Нам нечего бояться говорить правду ради той общественной истины, в интересах которой мы действуем.

Пишет оды и восхваляет тот, кто неискренен, кто хочет кого-то обмануть своими наружными восторгам, неискренностью усыпить бдительность. Нам незачем заниматься восхвалением. Очень труден наш путь, еще очень многое предстоит нам сделать, и глупо захлебываться нам и млеть от похвал. Разъясняя задачи нашей агитации и пропаганды, В. И. Ленин учил беспощадно преследовать конкретных носителей зла, травить и преследовать бездарных, глупых, нечестных.

Самое мощное орудие агитации и пропаганды — художественная литература. В конкретном образе писатель отвлекает общественное зло, общую абстракцию дает живой, в конкретно-художественном образе. Общественное явление и многочисленных участников общественного процесса художник слова рисует в синтетическом образе, в художественном типе.

Большое достоинство романа Берзина в том, что он возобновляет великую традицию литературы содействовать исправлению общественных нравов, воспитывать моральное сознание. После большого перерыва в нашей пролетарской литературе появляется произведение, в котором вновь звучат слова острой сатиры на общественные нравы. Были за эти годы попытки изобразить отрицательное и типы порочных людей. Но до сих пор эти попытки внушались

.....

простым недоброжелательством, отдавали пасквилем. Иногда опорочивалось лучшее, что дано нашим великим временем. Мы тогда верим острому, беспощадному порицанию, когда ощущается за ним сочувствие. Только тот может и вправе порицать общественные нравы, кто участвует в общих усилиях, в общей борьбе. Нам нужно не холодное, бесстрастное слово насмешки, бессодержательная издевка. Страстное слово негодования может быть у того, кто сочувствует общей беде и помогает всем нам уничтожить ее.

Роман тов. Берзина замечателен тем, что он возник в пролетарской литературной среде и является почином в области нашей советской сатиры.

Ив. Егоров.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I.

Слет героев

Высокий человек загромоздил собой окно, потянул за ремни, и широкая прозрачная рама медленно спустилась вниз. В окно ворвался ветер, с ним свист паровоза, и запах сухого сена и пыли смешался в купе с теплым и тонким дымом папирос и неуловимым ароматом духов. Высокий человек протяжно вздохнул, опустился на мягкую скамью у окна и закурил папиросу.

— Еще шесть часов, и мы в Москве, — ни к кому не обращаясь сказал небольшой и синий, от узких брюк до отливающих сталью щек и лакированного пробора, человек с широкими плечами, сидевший на другой скамье. — Еще шесть часов.

Ему никто не ответил, и только молодая женщина, вошедшая в купе на последней станции, закрыла книгу, которую она читала, взглянула в окно и тоже почему-то вздохнула. Потом она открыла ридикюль, привычно взглянула в небольшое зеркальце на внутренней стороне его, провела по лицу белым и тонким платком, от которого в купе сильнее запахло духами, поправила волосы и вышла в коридор.

— Шикарная женщина, — мечтательно сказал маленький и синий, — обольстительная женщина! Ваше авторитетное мнение, комиссар?

Высокий, которого называли комиссаром, молчал, но с верхней полки раздался ленивый и тяжелый голос:

— У вас верный глаз, Юрий Петрович, хороший кусок товару...

Юрий Петрович даже хихикнул.

— Что я, рыжий, что ли? — спросил он. — Имейте в виду, Константин Исаакович, что нигде вы не найдете таких знатоков по женской части, как среди военных. А я, можно сказать, не даром потерял три года в царской армии и четыре в Красной. Я, Константин Исаакович, столько баб перевидал, что меня не купишь за рупь с полтиной. Раз помню я, в Тифлисе...

— Вы из офицеров? — немного резко прервал его комиссар.

— Я? собственно говоря, — замялся Юрий Петрович, — собственно говоря, да. Я окончил в пятнадцатом году школу прапоров. Да. Потом бросили нас на фронт. Да. Ну, потом...

— А в Красной армии, вы что же, в комсоставе были? — продолжал комиссар.

— Собственно говоря, да, — ответил Юрий Петрович, — то-есть, собственно говоря, адъютантом. У начдива адъютантом. Побывал я, можно сказать, на всех фронтах. Да-с.

— На всех фронтах? — переспросил комиссар. Адъютантом? Ну, а теперь как? Вы, кажется, коммерцией занялись?

— Я не понимаю, что за допрос? — вдруг возмутился Юрий Петрович. — Ну, коммерцией? Кому какое дело? Что же я по-вашему должен на семидесяти рублях сидеть? Представьте себе, Константин Исаакович, — обратился он к лежащему на верхней полке, — потерял я в армии семь лет, страдал, боролся. Ладно. Да-с. Демобилизовали. Прихожу на Биржу труда. Сидит шпак какой-то. Чистенький. Сы-

тенький. Да-с. Рекомендуюсь: демобилизованный боец Красной армии. Ищу работы. Да-с. Направляют меня в трест, в финсчетную часть счетоводом. Что ж, я для этого мучился семь лет, на фронтах боролся, чтоб счетоводом служить? Да я все свое первое месячное жалованье в одну ночь в баре просадил. Да-с. Ежели правительство не может позаботиться о своих бойцах, которые его защищали, то кто же позаботится о себе, как не сам боец. Так-с, товарищ комиссар, вот именно! Я не могу жить на семьдесят рублей в месяц. Да-с.

— Да, — спокойно сказал комиссар, — что ж вас наркомпросом назначить? Да бросьте, не волнуйтесь, вредно, это я так, какой там допрос, просто интересно...

Он бросил докуренную папиросу в окно и вышел.

— Понять не могу этих людей, — раздраженно сказал Юрий Петрович, немного помолчав. — Всю дорогу молчал, а теперь привязался. Чего они хотят, и чего им недостает? Всю дорогу смотрит, как волк. Предлагаю ему папиросу — не берет. Да-с. Зову в вагон-ресторан — не идет. Достал коньячку — не притронулся. Совсем, как тот армянин в анекдоте: нэ ем, нэ пью, нэ куру и нэ... Вы знаете этот анекдот, Константин Исаакович? Забавный анекдот. Один армянин...

— Знаю, — повернулся на полке Константин Исаакович: — этот анекдот уже имеет бороду... Я? Я лично, Юрий Петрович, хотя и не служил в армии и не защищал отечества, — я лично тоже перевидал довольно много людей, и самых разнообразных сортов. Я, знаете, лично, скажу не хвастаясь, объехал всю Россию или почти всю. Когда мне стало шестнадцать лет, мне мой отец сказал: «Костя, — то-есть не Костя, тогда я еще был Калман, — Калман, ты уже большой и ты должен избрать себе специальность. Без

.....

специальности в наше время жить нельзя». И я ему ответил: «Папа, я буду коммивояжером». И он сказал: «Хорошо, Калман, будь коммивояжером»...

Константин Исаакович закурил папиросу, затянулся и продолжал:

— Ну, я стал коммивояжером. Я лично объехал пол-России, что я говорю пол-России — всю Россию. Я увидел столько людей, — у вас в двадцать втором году столько рублей не было, сколько людей я видал, я вас уверяю, Юрий Петрович. И я пришел к такому убеждению: людей на свете миллионы, что я говорю миллионы, — миллиарды, а все они делятся только на два сорта: с которыми можно дело делать и с которыми нельзя дело делать. У вас курится, Юрий Петрович? Спасибо.

Тут Константин Исаакович сел на полке, опустив ноги вниз, и задумался.

— Ну? — напомнил Юрий Петрович.

— Да, — сказал Константин Исаакович, — вы, значит, говорите, что не понимаете этого сорта людей, как наш комиссар. Ну, а я понимаю. Тут и понимать нечего. Кто такой наш комиссар? Коммунист! А кто такие коммунисты?

Константин Исаакович осторожно спустился с полки, почистил брюки и сел в углу против Юрия Петровича.

— Кто такие коммунисты, Юрий Петрович? — переспросил он легко и оживленно. — Можно ли с ними дело делать? Нет, скажу я вам лично. Это второй сорт людей. Определенно! Могу вас уверить, Юрий Петрович! Они бы даже хотели, но не могут. Бывало, — пристав какой-нибудь или жандарм. Зараза такая, что даже ужасно. Погромщик, черносотенец — он тебя с костями съест! А дашь ему что-нибудь в руки, какие только дела не сделаешь! В миллионах, честное слово! Вот с теми можно было дело делать...

.....

— Ну, что касается взятки, Константин Исаакович, — заметил Юрий Петрович, — что касается взятки, то и среди теперешних есть достаточно спецов по этой части. Да-с.

— Есть, — согласился Константин Исаакович, — конечно есть, но надо смотреть глубже. Я лично смотрю глубже. Я смотрю так. Программа! Разве это деловая программа? Партия! Разве это деловое предприятие? Я лично смотрю так...

Неизвестно, какие взгляды развил бы тут Константин Исаакович, но в это время поезд круто взял поворот, — и вечернее солнце последними лучами с такой силой ударило в окно вагона, что все внутри — и белые чехлы дивана, и коричневые стенки, и полное красное лицо Константина Исааковича, — все внутри внезапно запылало густым, красным огнем. Константин Исаакович зажмурился. Прохлада шла в вагон из тьмы перелесков, с полей. Паровоз сипел натруженной глоткой. За дверью в коридоре смеялась женщина. Юрий Петрович вздохнул:

— Замечательная женщина, — сказал он: — интересно бы с ней познакомиться поближе...

— В Москве этого добра сколько угодно, — пренебрежительно повел бровями Константин Исаакович: — были бы деньги. Вы знали братьев Кнопп? Простые гомельские мальчишки, но золотые, говорю вам, головы. Так вот, приехали они два года тому назад, — в двадцать втором это было, — в Москву. Ну, знаете, новая политика, народ только-что начал оживать, магазины открываются, кино, кафе, театры, биржа, обороты невиданные. Ну, сперва, знаете, начали они с чего все начинают. На Ильинке валютой торговали. Даешь—берешь, одним словом, подрабатывали. Попался было один, чуть в Соловки не выслали, ничего, отвертелись. Однако, решили бросить это дело. Рискованно! Но парни, говорю вам,

